

В. А. ХОРЕВ

**О России и русской литературе
в польском сознании**

<Фрагмент>

Книга «Восприятие России и русского духа польскими писателями» посвящена проблеме восприятия России и русской литературы польскими писателями (главным образом XIX и XX веков), прежде всего теми, кто высоко ценил русскую культуру и литературу, кто, по словам польского писателя Тадеуша Конвицкого, был «заражен Россией». Эти «зараженные Россией люди, — писал Конвицкий, — играли в нашей интеллектуальной жизни позитивную роль. У них были открыты глаза, незашоренные захолустным национализмом. Они реагировали на присутствие в нашем государстве восточных или почти восточных меньшинств. Они противостояли самодовольной реакции»¹.

Россия всегда была для Польши полем магнитного притяжения и отталкивания. По словам польского исследователя Гжегожа Пшебинды, «Россия нас не только ужасает, но и восхищает. И поэтому мы упорно ищем ответ на вопрос о смысле ее истории, спорим в Польше о формах существования и характере „русской души“, исследуем русскую литературу и философскую мысль»².

Поэт Адам Загаевский в стихотворении «Россия входит в Польшу», посвященном Иосифу Бродскому, писал:

Россия входит в мою жизнь,
Россия входит в мои мысли,
Россия входит в мои стихи³.

Вхождение России в польскую жизнь осуществлялось в разное время по-разному и по-разному оценивалось. Несмотря на весь

драматизм польско-русских политических противоречий, длившихся на протяжении веков, в сфере культуры происходило постоянное творческое общение поверх политических барьеров. Русская культура сыграла существенную роль в развитии польской общественной мысли, польского художественного творчества. «Поляки, — заметил в своих записных книжках Давид Самойлов, много сделавший для знакомства русского читателя с польской поэзией, — не любя нас, всегда интересовались русской культурой и жили близкими к ней интересами. Они захлебывались в русском море, но не боялись в нем утонуть»⁴.

Тема восприятия русской культуры в Польше неисчерпаема, ей посвящено неисчислимое множество книг и статей⁵, и автор этой книги никоим образом не претендует на полноту картины. Его цель — показать на ряде примеров, как формировались, развивались и трансформировались устойчивые представления поляков о России и русских, как шел сложный процесс вхождения русской культуры в сознание польских писателей.

Следует заметить, что суждения об истории и культуре других народов, присущие массовому сознанию, выносятся, прежде всего, литераторами, а не историками или представителями других гуманитарных наук. Для значительной части читателей история и культура тех стран, которые не попали в поле зрения литературы, — *terra incognita*. Во всяком случае, так обстояло дело до середины XX века, т. е. до расцвета кино, телевидения, а затем и Интернета, и других средств массовой коммуникации, которые, взяв на себя некоторые функции литературы как средства информации, в итоге все равно опираются на ее слово.

Ключом к пониманию России в польском культурном обществе была русская литература, поэтому наибольшее внимание в наших очерках уделено ее восприятию польскими писателями.

«Совесть русского народа — в его литературе, и Европа давно воздала должное этой литературе, искреннее которой не было и не будет»⁶, — писал в 1910 году Лео Бельмонт, которому принадлежит один из лучших переводов на польский язык «Евгения Онегина», а также переводы произведений А. Куприна, Л. Андреева, И. Эренбурга, М. Салтыкова-Щедрина, Ф. Гладкова.

Книга имеет имагологическую направленность. Имагология (от латинского *imago* — образ), изучает «образы», «картины» мира, которые складываются в «текстах» культуры, прежде всего в литературе. Имагология сформировалась в середине прошлого столетия в Германии, Нидерландах, Франции как этническая дисциплина, как научное направление исследования

образов отдельных народов, складывающихся в представлениях других этносов. В последнее время понятие имагологии у ряда исследователей получило расширенное толкование. Некоторые из них полагают, что «на наших глазах идеология сменяется имагологией»⁷, поскольку человечество вступило в эру визуальных средств массовой коммуникации, в которой решающая роль принадлежит имагологам — специалистам по визуальной, образной рекламе людей, фирм, товаров, городов, государств и т. д.

Но первостепенным предметом имагологии остается все же происхождение, структура и функции национальных образов, мифов и стереотипов, бытующих в текстах культуры. Попытка обоснования имагологической интерпретации контактных и типологических литературных связей была предпринята мною в книге об отношении русских литераторов к Польше и полякам в разные исторические эпохи»⁸. Здесь же замечу лишь, что проблема взаимного видения народов в текстах культуры стала в последние десятилетия одной из актуальных проблем гуманитарных наук. Причин тому много. Одна из них — так называемая глобализация, т. е. формирование некой «общечеловеческой цивилизации» под эгидой западного мира. Этот процесс вызвал противостояние — утверждение альтернативности и равноценности цивилизаций, стремление к оптимальному соотношению национальных и глобальных интересов. Парадоксальным образом глобализация привела к поискам идентичности той или иной культуры. Большим подспорьем в этих поисках оказался имагологический подход к историко-культурному материалу.

Образы чужой жизни складываются в большом историческом времени в традицию, в инвариантные, устойчивые структуры сознания. Они не только обогащают знания о другом народе, но отражают исторический опыт своей нации и характеризуют собственную этническую ментальность. «Польская самоидентификация, — замечает в этой связи известный польский ученый Мария Янион, — обычно происходит через изображение России как не вполне достойного и небезопасного „другого“»⁹.

«Свое» не только более зримо выступает на фоне «чужого», но и формируется во взаимодействии, оценивается в сопоставлении, а часто и в конфронтации с ним. Важным источником постижения собственной самобытности становятся и описания истории, феноменов культуры, быта и нравов народа в иностранных текстах. Уже В. О. Ключевский заметил, что чужой наблюдатель может лучше и полнее описать многие явления русской жизни,

нежели люди, привычные к этим явлениям и потому не обращающие на них внимания¹⁰.

Часто представления о «другом» противоречат реальности, но рождаясь и закрепляясь в определенных исторических, национальных, политических и экономических условиях, они сами становятся исторической реальностью, тиражируются, наследуются, приобретают новые символические значения и актуализируются в зависимости от идеологических и политических потребностей другого времени. Эти представления, как правило, являются выражением убеждений какой-то группы, поэтому при рассмотрении разного рода стереотипов надо иметь в виду типологическую и конкретно-историческую стратификацию общества. В одно и то же время могут существовать полярно противоположные стереотипы. Это особенно важно помнить, когда речь идет о взаимоотношениях Польши и России.

В Польше, как известно, русофильство и русофобия существовали и существуют одновременно в разных культурных и социальных слоях, что нашло отражение в образах России и русских, созданных в этих разных группах. Для многих Россию XIX века символизируют притеснители Польши русские цари Екатерина II и Николай I, а также Суворов, Новосильцев, великий князь Константин, Муравьев, Гурко, Апухтин, Катков, жандармы, Сибирь, кнут, кибитка и каторга. Россия XX века для них — это страна красного террора, поглотившая польские «кресы», депортировавшая сотни тысяч поляков в ту же Сибирь, уничтожившая тысячи польских офицеров в Катыни, в XXI веке подстроившая катастрофу самолета с польским президентом, и т. п.

Нобелевский лауреат Чеслав Милош отмечал «хорошо известную польскую тенденцию видеть там, на Востоке, только варваров» и в этой связи отрицательно отзывался о популярном в Польше многотомном русофобском сочинении Яна Кухажевского «От белого царизма к красному» (Т. 1–7, 1923–1935), многократно переизданном в Польше в последние годы. Книга Кухажевского — своего рода символ традиционного польского взгляда на Россию. «Русские, — писал, в частности, ее автор, — еще не цивилизованы, это вымуштрованные татары. <...> Глядя на этих дрессированных медведей, начинаешь предпочитать натуральных диких медведей»¹¹. Для Милоша книга Кухажевского — «вредная», «Ее чтение может привести к разного рода ошибочным концепциям, поскольку она очень тенденциозна в подборе текстов и освещении разнообразных течений в России. Русские достаточно натерпелись от своих правителей»¹².

Негативный стереотип восприятия России охватывает все русское: государство, его жителей, природу, язык и культуру. Публицист Вацлав Збышевский, находясь в эмиграции в Лондоне, писал, например, в одной из своих послевоенных статей: «Нет хороших русских, потому что в этой стране нет людей — есть только рабы и невольники»¹³.

Причины возникновения негативного стереотипа России — в военно-политическом соперничестве Польши и России в борьбе за украинские, белорусские и литовские земли, в участии России в разделах Польши, в конфессиональных различиях, в разнице государственного устройства и т. д. Представления о России и русских в Польше всегда находились под мощным воздействием политической ситуации. На фоне тяжбы с Россией в период «смуты» и затем в XIX веке Польша отождествляет себя с Европой, претендуя на роль ее форпоста в охране европейских ценностей от восточных варваров. В XIX веке польские национальные восстания вызвали мощную волну взаимного недоверия и вражды — к тираническим «москалям» в Польше и «коварным» и «кичливым ляхам» в России. В XX веке представления о России формировались под влиянием революции 1905 года, событий Первой мировой войны и, конечно, Октябрьского переворота 1917 года, а затем польско-советской войны 1920 года, «четвертого раздела» Польши в сентябре 1939 года, расстрела поляков в Катыни и т. д.

Стереотипы, закрепляющие историческую память народа, необыкновенно живучи. Сидевший в советском лагере по пресловутой 58-й статье Олег Волков вспоминает о своем общении с сокамерниками — поляками: «Однажды в разговоре я упомянул о тетке своей, урожденной Новосильцевой — фамилии столь же одиозной для поляков, как и Муравьев. И убедился, насколько — более чем через полвека! — свежи воспоминания о карателях. Следы их грубых сапог навсегда оттиснуты в народной памяти. Забываются подробности, точные факты, но общее ощущение недоверия, опасливого неприятия, неуважения к потомку насильников сохраняется»¹⁴.

Осью традиционного набора стереотипных противопоставлений поляка-европейца дикому москалю-азиату является, как отмечает польский исследователь Эва Погоновская в своей книге об антисоветской польской поэзии 1917–1920 годов, «базовая бинарная оппозиция, проецируемая на весь комплекс ценностей и подсказывающая определенный вывод: Европа — культура, цивилизация, а Россия — отсутствие культуры, антицивилизация, хамство, дикость, насилие»¹⁵.

Такие оценки и моральные установки, выработанные еще в XVI–XVII веках в культуре сарматизма¹⁶, были упрочены польскими романтиками и укоренились в польском обществе как непреходящие традиционные взгляды, не потерявшие своего значения и сегодня. «Романтики, — пишет Мария Янион, — рассматривали Россию и Польшу как две враждебные друг другу силы в славянском мире, руководствующиеся противоположными принципами: “свободы” и “деспотизма”».

Россия всегда была “Востоком” с характерными для стран, “ориентализированных” европейским Западом, чертами: бессильная, неподвижная, опоздавшая, отсталая, иррациональная и тираническая. Мы видим, как Польша, начиная с романтизма и до сего дня, приписывала себе право резкой критики России. Она считала себя знатоком всех беззаконий в России, как царской, так и советской, и постоянно подчеркивала, что Россия не относится к Европе. Эти представления немногим отличаются от “рейгановской” империи зла»¹⁷.

Играло свою роль и представление об избранничестве польской нации. Поскольку мессианизм утверждал, что по воле Бога Польша страдает за грехи других народов, становится понятной «ангелизация» Польши, противопоставленная «сатанизации» ее преследователей. «В XIX веке прежде всего Россия стала воплощением сатаны, политического сатаны, как говаривал Мицкевич, и это убеждение находило свое подтверждение в большевистской России»¹⁸, — замечает М. Янион.

Представление о русских как агрессорах, постоянно угрожающих Польше, и поныне навязывается полякам средствами массовой информации националистической ориентации. «Gazeta Polska», например, опубликовала в 1996 году такой «сокращенный вариант истории Польши»: «966 — начало, 1772 — вошли русские, 1793 — вошли русские, 1795 — вошли русские, 1831 — русские вышли и вновь вошли, 1863 — русские вышли и вновь вошли, 1918 — русские вышли, 1920 — русские вошли, но тут же вышли, 1939 — вошли русские, 1944 — вошли русские, 1981 — кажется, должны были войти (русские), 1992 — русские твердят, что скоро выйдут, 1993 — русские вышли, 1994 — русские говорят, что еще войдут, 1995 — русские говорят: НАТО — придет время! 1996 — русские выдумали „коридор“, чтобы было чем войти»¹⁹.

Не устает в своих попытках критики России и русских Крыстына Курчаб-Редлих. О ее русофобской книге «Пандрёшка» (2000) мне приходилось уже писать²⁰. В своем новом сочинении «Головой об стену Кремля» (2007) она вновь навязывает

читателю избитый стереотип, согласно которому в русском народе преобладает «не любовь к родине, а любовь к государству и державности. Не гражданская ответственность, а повиновение и подчинение. Не сосуществование, а доминирование. Не правда, а мифология»²¹.

Не могут не вызвать возмущения — не только у русского человека — положения некоторых польских историков, извращающих смысл Второй мировой войны. Профессор Варшавского университета Павел Вечоркевич утверждает, например, что «независимо от прекрасных лозунгов Советы маршировали на Берлин, чтобы закончить свою войну с Гитлером и установить наиболее выгодную границу своего влияния. <...> К тому же Красная Армия в 1945 году, впрочем, как и в 1939 и в 1920, напоминала разросшееся войско Чингисхана или Аттилы. Она несла с собой в значительно большей степени, чем какие-либо другие вооруженные силы, включая Вермахт, волну насилия и венерических болезней, убийств, краж и грабежей»²².

Ряд польских политиков пытались и пытаются превратить русофобию в политический инструмент. «Это путь в пропасть», — считает главный редактор популярнейшей польской газеты «Gazeta wyborcza» и, пожалуй, самый известный польский журналист Адам Михник. «Все эти русофобы в Польше — люди прошлого века. Лично я с первых дней свободы называл себя „антисоветским русофилом“, — говорил Михник в интервью газете «Известия»²³.

Приведу и оценки других польских литераторов, выступающих против искажения образа восточного соседа. «В 90-е годы в Польше, — писал Влодзимеж Пазьневский в 2001 году, — о России написано и сказано немало неумного, а еще больше чудовищных глупостей. Иногда складывается впечатление, что у нас существует официальная потребность в негативном образе России, который должен улучшить наше собственное самочувствие»²⁴.

Публицист социал-демократического журнала «Przegad» Бронислав Лаговский сравнительно недавно писал о том, что в Польше «русофобия приобретает такие размеры, что сторонний наблюдатель, не знающий польской безответственности, склонности к трескучим фразам и бахвальству, может подумать, что польская армия вот-вот отправится в поход против России, сметая по пути режим Лукашенко и везя в обозе Самозванца Антипутина»²⁵.

В отличие от русофобов, для многих поляков Россия — это прежде всего страна, давшая миру величайшие культурные ценности, страна Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева и мно-

гих других творцов и мыслителей. Многочисленные польские исследователи русской истории и культуры предпринимали и предпринимают огромные усилия для преодоления сложившегося негативного стереотипа России, живущего в массовом сознании. Например, известные польские русисты — историк Виктория Сливовская и литературовед Рене Сливовский назвали свою книгу «Россия — наша любовь»²⁶. Это книга воспоминаний о годах учебы в Ленинградском университете, о последующих приездах в Россию, о многочисленных «друзьях — москалях», встречи и беседы с которыми повлияли на мышление авторов, обогатили и расширили их представления о мире, России и ее культуре. Среди их собеседников такие знаковые для русской науки и культуры имена, как Ю. Оксман, Н. Эйдельман, Ю. Лотман, Ю. Давыдов и многие другие. Рене Сливовскому принадлежат многочисленные исследования в области русской литературы (он писал, в частности, о Герцене и Огареве, Достоевском и Чехове, А. Платонове, М. Зощенко, Е. Шварце, В. Быкове, В. Некрасове, В. Аксенове и других русских писателях). Они публиковались с конца 50-х годов XX века в разных изданиях и отчасти вошли в его книги «Старые и новые. Очерки о советской литературе» (1967), «Странствия русиста» (2010)²⁷.

Примером может быть и деятельность Анджея Дравича, который посвятил России несколько своих книг (в том числе монографию о творчестве М. Булгакова, 1987), перевел на польский язык романы В. Быкова («Сотников»), Г. Владимова («Верный Руслан»), А. Платонова («Котлован»), Б. Ерофеева («Москва — Петушки») и других авторов, возглавил издание новаторской «Истории русской литературы XX века» (1997) и т. д. Дравич призывал сломать доминирующий в массовом сознании, вскормленном литературными и историческими сочинениями, стереотип русского человека как раба всех исторических периодов и систем, не способного к изменению своей судьбы, но враждебного по отношению к Польше. В книге «Тяжба о России»²⁸ (1987) он писал: «Нашим врагом была не Россия (как не были им Германия, Турция или Швеция), им были и есть определенные режимы: русский царизм и русский большевизм»²⁹.

Большой всплеск интереса в Польше к русской литературе, особенно к замалчивавшейся в СССР, приходится на годы польской «оттепели» — на вторую половину 50-х годов XX века. Роман И. Эренбурга «Оттепель», давший название целому периоду, появился в польском переводе в 1955 году. В 1957 году на польском языке вышел его роман «Бурная жизнь Лаэика Ройтшване-

ца» (запрещенный тогда в СССР, он не вошел даже в восьмитомное собрание сочинений писателя)³⁰.

Характерным примером может быть история журнала «Opinie» («Мнения»). Первый его номер вышел в августе 1957 года под редакцией поэта и переводчика Северина Полляка. В нем были опубликованы отрывки из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», стихотворения Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака. Вышло всего два номера журнала — после резких нападков на него в советской печати он был закрыт. В 1962 году С. Полляк издал сборник переводов из поэзии Б. Пастернака, а в 1964 году — томик поэзии А. Ахматовой. Ему же принадлежит книга эссе о русской литературе «Путешествия за три моря» (1962), в которой он рассказывал не только о русских модернистских течениях начала XX века, но и о новейшей русской поэзии, в частности об Иосифе Бродском.

И тогда, и позднее среди польских интеллектуалов было немало исследователей и популяризаторов русской литературы. Это, к примеру, помимо названных выше, выдающийся знаток творчества О. Мандельштама Рышард Пшибыльский, поэты, переводившие на польский язык русских авторов, — Виктор Ворошильский, Владзимеж Слободник, Ян Спевак, Юзеф Бачков и многие другие.

Неофициальная русская литература была популярна в так называемом «втором круге обращения» литературы, издаваемой подпольными издательствами, появившимися во второй половине 70-х годов. Интерес к русской литературе не угас даже во время введения в стране военного положения (13 декабря 1981 г.). Одно только нелегальное издательство «Нова» выпустило и распространило тогда более 500 произведений русских авторов в переводах на польский язык. Это были книги А. Ахматовой, И. Бродского, И. Бунина, Б. Пильняка, Н. Замятина, О. Мандельштама, В. Шаламова, В. Войновича, Венедикта Ерофеева, А. Солженицына³¹. На «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына была даже проведена подписка.

Художник и эссеист Юзеф Чапский, офицер польской армии, в книге «На бесчеловечной земле» (1949) запечатлевший свое пребывание в 1939–1941 годах в советском концлагере, писал о себе: «Моя личная биография, ученье в Петербурге, русские друзья, русская литература, Толстой и его влияние, потом Достоевский, пережитая там русская революция, участие в войне 1920 году против большевистского нашествия, а в последнюю войну лагеря в России, участие в создававшейся там заново

польской армии — все это связало мою судьбу, в злом и добром, с Россией. Может быть, поэтому я воспринимаю русский мир не только со стороны польских обид, но в целой его сложной, сотканной из крайностей, конкретной действительности. Поэтому всякие тотальные суждения о нем кажутся мне такими неверными и даже вредными»³².

Для Чапского, несмотря на все его злоключения в России, как и для многих других мыслящих поляков, Россию нельзя отождествлять с ее правителями, будь то цари или советские вожди. Была и есть иная Россия — страна трудолюбивых и отзывчивых людей широкой души, страна борцов за справедливость, страна высочайшей культуры.

«Дело не в том, люблю ли я Россию или ее ненавижу, — писал Чапский. — Дело в том, что вычеркнуть ее из истории не сможет ни один поляк, что ее история, литература принадлежат мировой культуре, что она оказала и продолжает оказывать огромное влияние на умственную формацию на Западе, вовсе не только негативное»³³.

Суждение Чапского не является чем-то необычным и исключительным. Уже во многих произведениях польских романтиков, которые внесли самый существенный вклад в формирование польского восприятия России, прежде всего у Адама Мицкевича (вспомним хотя бы его стихотворение «Друзьям-москалям») подчеркивалось, что ненависть к царскому режиму не исключает дружественного отношения к русскому народу и надежды на свободное развитие обоих народов. «И там есть люди, что имеют души», — писал Юлиуш Словацкий, надеясь разбить свободным словом «лед гранитной Невы»³⁴. Горячий патриот Польши Корнель Уейский называл себя «врагом царизма, другом русского народа»³⁵, видя в братстве польского и русского народов залог лучшего будущего.

В 1899 году выдающийся ученый-лингвист Бодуэн де Куртене призывал «не смешивать официальную Россию с ее народом и, прежде всего, не игнорировать его науку, литературу и искусство, которых сегодня уже никто в Европе не игнорирует».

В начале XX века известный славист и историк культуры Александр Брюкнер писал: «Русская литература и русский режим отличаются друг от друга, как ад и рай, как день и ночь, и переносить ненависть к режиму на литературу значит наказывать невинного вместо виновника»³⁷. Брюкнер подчеркивал мировое значение русской литературы: «Из всех славянских литератур наибольшее признание, понимание, влияние получила русская

литература, поскольку она не обращалась к односторонним, узким проблемам; поскольку она говорила о людях, а не о политике; поскольку она взлетала, свободная в своем полете, на общечеловеческие вершины; поскольку в ней чувствуешь огромный размах, необъятные просторы, первобытную силу и глубокую веру, серьезное и милосердное отношение к людям. Все это отчетливо проявилось в произведениях писателей, служащих любви, надежде и вере — этим дочерям вечной мудрости. Этим объясняется богатство света, отсутствие теней в картине этой литературы, волнующей своей искренностью, поражающей своим величием, завоевывающей умы своей человечностью»³⁸.

Во многом благодаря русской литературе польские писатели осознавали место польской литературы в истории мировой. Витольд Гомбрович писал: «Где же была оригинальная польская мысль, польская философия, польское интеллектуальное и духовное участие в создании Европы? Литература в течение ста пятидесяти лет была запломбирована драмой утраты независимости, сведена к здешним несчастьям»³⁹. Горечь, присущая словам Гомбровича, связана с одной из главных доминант его творчества — обличением и отвержением польского провинциализма, архаического патриотизма, стереотипов романтического мышления — идеи польского мессианизма, мученичества, жертвенности и т. д. Но подобные размышления можно найти и у других писателей и критиков. Например, известный историк и эссеист Януш Тазбир писал: «Я очень люблю Пруса, считаю, что „Кукла“ — это лучший польский роман того периода, но если читать после Пруса Достоевского, то создается впечатление, что читаешь литературу для очень и очень взрослых людей после литературы для юношества»⁴⁰.

Авторитетный критик Стефан Жулкевский также полагал несопоставимыми по своей значимости для читателя романа Э. Ожешко «Над Неманом» и романов Достоевского⁴¹.

Похожим образом всемирно известный создатель философской фантастики Станислав Лем сравнивал приблизительно один и тот же период в развитии русской и польской литературы: «Там „Война и мир“, а у нас „Фараон“? Там „Преступление и наказание“, а здесь „Пепел“? Сопоставление выглядело ужасно. Если нет точки отсчета, то можно заступиться и за „Верную реку“ (роман С. Жеромского о поражении польского национально-освободительного восстания 1863 г. — В. Х.), но ведь это не так. Там Достоевский со своим антипапским ожесточением, антикатоличеством и антипольским ядом, проблематикой черной литерату-

ры и философскими размышлениями, глубже которых в литературе нет. А у нас? Ничего нет»⁴².

Сетовал на отсутствие в польской литературе — по сравнению с русской — волнующих человечество проблем духовной жизни личности и Славомир Мрожек. Мрожек пенял польской литературе, что в ней не получил выражения важнейший опыт человечества — отношение человека к тому, что «можно назвать Богом», которое присутствует «во всем лучшем, что создано в литературе». Он подчеркивал, что имеет в виду не религиозные или антирелигиозные декларации, а сам процесс метафизических размышлений, саму постановку вопросов безотносительно к ответам на них, размах и кипение страстей, которое он видел у Достоевского и Толстого⁴³.

«Мы многое теряем в сравнениях, хотя бы с русскими, с их крайними, значительными типами; с Достоевским, Гоголем, Толстым, Маяковским, с Есениным и Солженицыным, с их самоубийствами, каторгой и безумием», — замечал Казимеж Брандыс в своем дневнике.

О слабости польского романа сравнительно с русским говорил и Чеслав Милош: «В XIX веке польский роман не мог даже приблизиться к тому уровню, которого достигла русская литература. „Кукла“ Пруса является единственным великим произведением польской прозы»⁴⁵.

Нет сомнений в том, что русская литература как одна из ведущих литератур мира «оставила на польской значительно более выразительный отпечаток, нежели наоборот»⁴⁶, — замечает современный польский исследователь Малгожата Семчук. Определяющим фактором воздействия русской культуры на польское художественное сознание являются выдающиеся результаты духовного развития России и, в первую очередь, уровень развития ее культуры (в том числе и прежде всего литературы как одного из главных интеллектуальных языков), ее ориентированность на общие для европейцев нравственные ценности. Художественный опыт русской литературы был востребован и творчески освоен многими польскими писателями, ибо оказался созвучен их эстетическим и нравственно-философским поискам.

Большинство польских писателей в русской литературе выделяли, прежде всего, творчество Толстого и Достоевского, но некоторые из них не упускали из вида и достижения русской литературы советского периода. Например, мало кто из современных польских писателей добром вспоминает М. Горького, А вот глубокий и яркий писатель старшего поколения Юзеф Хэн (р. 1923)

в своих записках о современности «Дневник на новый век. 2000–2007» (2009) отмечает его «великолепное мастерство». Никто не заметил, пишет Хэн, что Горький «не написал ни одной „соцреалистической“ книги <...>. Он писал „Жизнь Клима Самгина“, великую панораму позиций и характеров, талантливо подмеченных и прочувствованных. Наблюдения, достойные Пруста, хотя, конечно, более сжатые (а разве это плохо?). Описания жизненной материи в лучших традициях Толстого и Чехова. Хороший темп. Нет здесь ничего старосветского. Все, что рекомендовал соцреализм, а иногда и он сам, было для него всего лишь „свечкой для дьявола“ — в творчестве его это не касалось, в нем он был честен. Книга, о которой забыли...»⁴⁷.

Тем более популярны были в Польше имена и произведения, замалчивавшиеся в СССР. «Ах, если бы Россия была основана Анной Ахматовой, / если бы Мандельштам издавал законы...» — писал Адам Загаевский в стихотворении «Если бы Россия...» (1985)⁴⁸.

Представляется исключительно важным проследить воздействие России и русской литературы на творческое сознание польских писателей в разные исторические эпохи, о чем и пойдет речь в последующих очерках. Это воздействие было настолько сильным, что вызывало опасения у многих представителей польской культуры. Часть польских критиков конца XIX — начала XX века опасалась пагубного, разлагающего воздействия русской литературы на польское общество. А. Брюкнер свидетельствовал: «У нас игнорировали русскую литературу, не желая иметь дело с врагом, тщательно обособлялись от него в каждой сфере, в том числе духовной. Опасались, что познание благородных черт врага ослабит антипатию к нему и нанесет ущерб, что литературные симпатии повлекут за собой политические и общественные, будут водой на мельницу „соглашателей“ <...>, опасались некоего разлагающего воздействия русской литературы, будто бы она проповедовала нигилизм, равнодушие к национальным стремлениям, умерщвляла патриотизм»⁴⁹.

Опасение, что русская литература так или иначе негативно воздействует на польское сознание, было распространено довольно широко. Его высказывали С. Кутшеба, С. Дзярский, Я.К. Кохановский⁵⁰. «Опасному влиянию» русской литературы на польскую культуру, «нигилизму» и «отрицанию законов морали», присущим последователям Достоевского, посвятил исследование «Русское влияние на польскую душу» (1913) Мариан Здзеховский⁵¹. По его мнению, «не всечеловечность поражает

нас у русских, а наоборот, духовная узость, отсутствие чувства понимания других народов. Они улавливают в них лишь отрицательные черты. В романах Достоевского поляк всегда выступает хвастуном и вруном или трусом, часто тем и другим; немногим лучше изображал французов Толстой»⁵². Впрочем, для Толстого Здзеховский делал исключение: «Поистине великим морально мыслителем является лишь тот, из учения которого никоим образом, никакими натяжками не удастся извлечь суждений, противоречащих законам морали. Таким в России был Лев Толстой»⁵³. Но Толстой, по Здзеховскому, «и внутренне, и внешне был азиатом, был воплощением азиатско-монгольского начала в русской душе, прирожденным буддистом. Однако преобладал (в России) не буддистский, а апокалипсический тип»⁵⁴.

Александр Ват в своем дневнике «Мой век», описывая межвоенные годы, писал: «Поляки испытывали не только отвращение, но и страх, чтобы Москва, как писал Мицкевич, чтобы москаль не вцепился в их душу. А он вцеплялся. Поэтому делалось все, чтобы противостоять этому»⁵⁵.

Приведу еще отрывок из воспоминаний высоко чтимого в Польше главного редактора парижской «Культуры» Ежи Гедройца (1906–2000): «По отношению к русскому языку, русской литературе и поэзии я занимал оборонительную позицию. Я предпочитаю русскую поэзию польской. Но я очень боялся поглощения Польши русской стихией. Эта опасность была вполне реальной. Большинство ссыльных поляков растворилось в русском обществе. Даже в межвоенный период эта опасность не перестала существовать. Особенно видно это было на крестах. В Вильно, например, вся еврейская интеллигенция говорила по-русски и жила лишь русской культурой. Огромный успех хора донских казаков, который часто приезжал в Польшу, успех Вертинского (я сам был его поклонником), тот факт, что в каждой компании после двух-трех рюмок водки пели цыганские романсы, а на более высоком уровне — число переводов из русской литературы, которой восторгались «Wiadomości Literackie», и популярность этой литературы — все это свидетельствовало о давлении русской культуры на Польшу»⁵⁶.

Утверждения о преувеличенной роли русской культуры в мире и о ее негативном воздействии на польское сознание нередко можно встретить в польской печати и сегодня. Польские русофобы, например, по словам Анджея Дравича, любят «страшать Достоевским и приписывать его героям наихудшие черты русского народа»⁵⁷.

Дравич ссылается на статью «Патология не может быть нормой» из журнала «Пульс», в которой отрицается значение для человечества русской и особенно советской культуры, и с осуждением пишется о повальной европейской «наркотической зачарованности русской культурой», о увлеченности ее «мнимой художественной и психологической глубиной».

Складывавшийся в польском сознании на протяжении эпох образ русской культуры, усвоение и творческая переработка ее ценностей и достижений творцами польской культуры во многом определялись особенностями польского национального самосознания, этно-стереотипами (часто негативными по отношению к «иному» и «чужому»), сложившимися в процессе длительного противостояния Польши и России. Наша общая история отмечена взаимным интересом друг к другу, обменом культурными ценностями, а во многих случаях искренней увлеченностью. Исторический опыт взаимоотношений русского и польского народов, полный противоречий и драматических столкновений, чрезвычайно богатый фактами и событиями, нуждается сегодня в новом осмыслении, свободном как от декларативных утверждений о вечной дружбе народов, так и от преувеличенно отрицательной оценки русско-польских отношений. Их непредвзятое исследование способствует более глубокому взаимопониманию, а тем самым преодолению устоявшихся схем, взаимных претензий, негативных стереотипов.

